

УДК 575.8

СТРАСТИ ПО ФЕОДОСИЮ, ИЛИ КАК И ПОЧЕМУ Ф.Г. ДОБРЖАНСКИЙ СТАЛ «НЕВОЗВРАЩЕНЦЕМ»

© 2013 г. М.Б. Конашев

Санкт-Петербургский филиал учреждения Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (СПбФ ИИЕТ РАН), Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mbkonashev@mail.ru

Поступила в редакцию 13 июня 2012 г. Принята к публикации 12 июля 2012 г.

В течение года, с мая 1930 по июнь 1931, Ф.Г. Добржанский, находившийся на стажировке в США в качестве стипендиата Международного образовательного совета (Рокфеллеровского фонда), готовился к возвращению в СССР. Подготовка включала все необходимые действия для устройства на новую работу и продления его паспорта и паспорта его жены. После получения трех писем Н.И. Вавилова от 9, 11 и 12 июня 1931 г. Ф.Г. Добржанский принял решение остаться в США и стал «невозвращенцем». В 1932 г. при встрече на VI Международном генетическом конгрессе в Итаке, США, Н.И. Вавилов назвал это решение правильным.

Ключевые слова: Ф.Г. Добржанский, генетика, «невозвращенец», сталинизм.

В последние годы история отечественной генетики и ее связи с «синтетической теорией эволюции» (СТЭ) вновь стала актуальна. В том числе потому, что оказалась неразрывно сцепленной с советским периодом в истории страны, а также с современными спорами о советском прошлом, прежде всего о сталинизме и лысенкоизме. Появились публикации, авторы которых пытаются осуществить ревизию того, что 20 лет назад с искренним пафосом называли восстановлением исторической правды, в том числе правды об отдельных ученых (см. напр.: Анохин, 2009а, б; Трофим Денисович Лысенко ..., 2008; Кононков, 2010; Овчинников, 2010). Вот почему приходится возвращаться к вопросам, на которые историками, в том числе историками науки, уже были даны, казалось бы, убедительные ответы.

Одним из создателей СТЭ, ее «генеральным конструктором», был наш соотечественник, один из основателей ленинградской школы генетики и отечественной генетики в целом, а также международной школы эволюционной генетики, мыслитель и гуманист Феодосий Григорьевич Добржанский (Конашев, 2008, 2010а). В судьбе Ф.Г. Добржанского по своему

отразились многие противоречия XX в., в частности между наукой и религией, эволюционной теорией и традиционным представлением о природе и человеке, и он не раз оказывался перед непростым выбором (Конашев, 2010б).

В 1927 г., являясь ассистентом кафедры генетики ЛГУ, а в 1925–1927 гг. к тому же еще и ученым специалистом Бюро евгеники и генетики (с 1927 г. Отдел генетики) Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС АН СССР), Ф.Г. Добржанский благодаря хлопотам Ю.А. Филипченко, был командирован в США, где с 1928 г. по 1929 г. стажировался в Нью-Йорке в Колумбийском университете в лаборатории Т.Х. Моргана в качестве стипендиата фонда Рокфеллера. По возвращении Добржанского планировали развернуть масштабные исследования по генетике дрозофилы на кафедре и в Отделе генетики КЕПС и создать для этого специальную дрозофильную группу, в которую, помимо самого Добржанского, должны были войти молодые генетики (тогда еще студенты) Ю.Я. Керкис, Н.Н. Медведев, Ю.Л. Горощенко, Р.А. Мазинг, М.Л. Бельговский и, возможно, некоторые другие (Конашев, 1994а. С. 33). Однако в декабре 1929 г., получив требование досроч-

но вернуться и взвесив все «за» и «против», Ф.Г. Добржанский принимает мучительное, как он сам пишет, решение временно остаться в США (У истоков ..., 2002. С. 260–261; см. подр.: Конашев, 1991). При этом он сразу настойчиво пытается найти работу на родине через Н.И. Вавилова и своих коллег на кафедре генетики Ленинградского университета (ЛГУ) и в Лаборатории генетики (ЛАГ) АН СССР.

ПОПЫТКА НЕ ПЫТКА

Обращение к Н.И. Вавилову представлялось Ф.Г. Добржанскому единственно возможным прежде всего потому, что ранее в официальном письме от 15 марта 1928 г. сам Николай Иванович предлагал ему другое место работы в Ленинграде: взять на себя организацию и заведование Отделом зоотехнии Государственного института опытной агрономии (ГИОА) (У истоков ..., 2002. С. 412). Тогда Ф.Г. Добржанский ответил отказом, объяснив в письме от 27 апреля 1928 г., что занят исследованиями в другом направлении – генетике дрозофилы и намерен посвятить себя этой, как ему кажется, весьма многообещающей области (У истоков ..., 2002. С. 413). Теперь же в письме от 29 декабря 1929 г. Добржанский писал, что он узнал о предполагаемой организации Н.И. Вавиловым лаборатории по изучению географической изменчивости и генетики географических рас, и поскольку вопросы географической изменчивости остаются близкими его интересам, то у него «является смелость предложить свои услуги по части работы в указанном выше направлении» (У истоков ..., 2002. С. 415). Однако Н.И. Вавилов в письме от 2 февраля 1930 г. сообщал, что у него нет «никакой генетической и географ.[ической] секции» и настойчиво советовал Ф.Г. Добржанскому вернуться к установленному ему сроку (У истоков ..., 2002. С. 416–417).

Полученному от Н.И. Вавилова совету Ф.Г. Добржанский не последовал. Причины, побудившие его принять такое решение, не устранились: он не успевал к апрелю завершить свои эксперименты. К тому же его собственный паспорт и паспорт его жены в результате продления его командировки в США оказались просрочены. Но после внезапной смерти Ю.А. Филипченко

в мае 1930 г. он предпринимает новые усилия вернуться на родину и найти там подходящую работу, поскольку должностей, которые он занимал на кафедре генетики ЛГУ и в отделе генетики, ставшем лабораторией генетики АН СССР, больше не существовало. Получив от Н.И. Вавилова телеграмму, посланную 21 мая 1930 г., о том, что Филипченко умер от менингита и его приезд желателен (Там же. С. 416), Ф.Г. Добржанский в ответном письме от 29 мая 1930 г. из Пасадины выражал готовность вернуться, подчеркивая: «готов прислать по Вашему указанию официальное заявление о предоставлении мне этой или другой должности в университете, в Академии Наук или в ином учреждении, в котором моя работа может быть желательна или полезна» (У истоков ..., 2002. С. 418).

В то же время Ф.Г. Добржанский подчеркивал необходимость продления действия паспортов: «Будучи официально зачислен, я хотел бы получить от соответствующих учреждений продление моей командировки; это последнее совершенно необходимо мне для продления заграничных паспортов, которые уже просрочены. Без такого продления я не смогу получить виз для проезда, ни въехать в СССР. Имея все это, я мог бы в начале осени двинуться в обратный путь. К этому времени я рассчитываю закончить ведущиеся теперь работы, и в это время истекает первоначально предполагавшийся срок моего здесь пребывания» (У истоков ..., 2002. С. 418).

Аналогичное письмо от 10 июня 1930 г. было послано Ф.Г. Добржанским из Пасадины Т.К. Лепину как и.о. руководителя ЛАГ. В этом письме он недвусмысленно отвечал на полуофициальный запрос Т.К. Лепина: «Итак, поскольку вопрос ставится <принудительно>, не может быть двух мнений. Я хочу вернуться в Ленинград, и сделаю это как только это станет возможно» (РО РНБ. Л. 33).

В начале декабря 1930 г. уже в ответ на официальный запрос из АН СССР от 29 октября 1930 г. № 3541 (APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Unknown (Russian)) Ф.Г. Добржанский послал в Секретариат АН СССР официальное заявление, датированное 2 декабря 1930 г., в котором сообщал, что предполагает закончить ведущуюся им в США работу к лету 1931 г. и вернуться в Ленинград. Заявление заканчива-

лось просьбой продлить его командировку (У истоков ..., 2002. С. 419). В заявлении от 15 января 1931 г. в Президиум Отдела животноводства Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) Ф.Г. Добржанский просил предоставить ему должность ученого специалиста данного отдела (У истоков ..., 2002. С. 419).

Находясь в это время в США, Н.И. Вавилов отправляет предположительно 1 января 1931 г. из Кливленда письмо Ф.Г. Добржанскому, в котором подчеркивает, что проблем из-за его задержки не будет, и что надо обязательно возвращаться «поднимать страну»: «Надо поспешить оформляться. Я, как говорил, думаю что ни черта серьезного за Вами нет. ... Помогайте страну поднимать. Это миссия всечеловеческая» (У истоков ..., 2002. С. 414–415).

Вернувшись в СССР, Н.И. Вавилов 29 января 1931 г. посылает еще одно письмо Ф.Г. Добржанскому, в котором по итогам своей беседы с академиком В.П. Волгиным, Непременным секретарем АН СССР, настойчиво рекомендует Ф.Г. Добржанскому предпринять ряд шагов. По мнению Н.И. Вавилова, прежде всего Ф.Г. Добржанскому было необходимо подать заявление в какое-нибудь из советских полпредств или генеральных консульств либо в Канаде, либо во Франции или Германии с ходатайством о восстановлении действительности паспорта. Копию этого заявления Н.И. Вавилов советовал прислать в Секретариат АН СССР, чтобы тот через Наркоминдел ходатайствовал об устранении затруднений с выездом Ф.Г. Добржанского из США. Одновременно Ф.Г. Добржанский должен был незамедлительно подать заявление о предоставлении ему должности ученого специалиста в ЛАГ АН СССР. В заключение Н.И. Вавилов писал, что все это, «конечно, займет несколько месяцев, но нужно действовать незамедлительно и волынки тянуть не стоит, ибо в связи с этим в Академии получается впечатление неблагоприятное» (У истоков ..., 2002. С. 420).

В ответ Ф.Г. Добржанский в письме от 28 февраля 1931 г. сообщил, что заявление о предоставлении ему должности ученого секретаря Генетической лаборатории АН СССР, а также заявление в ВАСХНИЛ были посланы им свыше месяца тому назад (У истоков ..., 2002.

С. 422). Получение этих заявлений подтверждал Ю.Я. Керкис в письме Ф.Г. Добржанскому от 1 марта 1931 г., подчеркивая: «Совершенно несомненно одно, это что Вавилов сделает все от себя зависящее, чтобы Вы могли приехать» (APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Kerkis). Извещая об отсылке требуемых заявлений, Ф.Г. Добржанский написал, что план действий, предложенный В.П. Волгиным, кажется ему «не совсем правильным» (У истоков ..., 2002. С. 422), обосновывая это следующим образом: «Боюсь, что он не знает консульских правил. Дело в том, что консульство, вероятно, вообще откажется продлить наши паспорта за отсутствием документов. Если же этого и не произойдет, то за продление консульство пожелает, вероятно, получить по тарифу для некомандированных. На два паспорта за 2½ года это может выйти заметно больше 1000 рублей. Таких денег у меня, конечно, не найдется» (У истоков ..., 2002. С. 422).

Данное рассуждение Ф.Г. Добржанского может показаться уловкой, поскольку он высказывает лишь предположение о том, что консульство ему откажет. Но Ф.Г. Добржанский послал соответствующие ходатайства, о чем в том же письме от 28 февраля 1931 г. и сообщил Н.И. Вавилову (У истоков ..., 2002. С. 423).

Из последующей переписки между ним и Н.И. Вавиловым следует, что сначала дело как будто стало развиваться в нужном направлении. Почти ровно через месяц после своего предыдущего письма Н.И. Вавилов сообщал Ф.Г. Добржанскому в письме от 21 февраля 1931 г., что получил его заявления и передаст их Непременному секретарю АН СССР, поддержав их. Однако при этом Н.И. Вавилов настаивал на прежнем: «...самое существенное Вам связаться с Полпредством и подать заявление об оформлении Вашего выезда; Академия, когда получит копию Вашего ходатайства в Полпредство, пошлет со своей стороны в Полпредство ходатайство о содействии Вам» (У истоков ..., 2002. С. 421). Настаивал, хотя из ответного письма Ф.Г. Добржанского от 29 марта 1931 г. из Пасадины следует, что первоначальная договоренность между ним и Ф.Г. Добржанским была другая: «Меня сильно беспокоит то обстоятельство, что и в этом письме отсутствует упоминание о продлении моей командировки, о

чем мы ведь совершенно определенно сговорились в Пасадине, и без чего я не могу выехать» (У истоков ..., 2002. С. 423–424).

Одновременно Ф.Г. Добржанский еще раз подтверждал, что уже послал заявление о продлении паспортов (своего и жены) в консульство в Берлин и ждет ответа из консульства «в течение ближайших двух недель». К этому письму Ф.Г. Добржанский прилагал свой Curriculum vitae и Список печатных работ (У истоков ..., 2002. С. 423–429).

Через два месяца в письме от 12 мая 1931 г. из Пасадины Ф.Г. Добржанский извещал Н.И. Вавилова, что получил из Берлинского консульства письмо, в котором ему обещают продлить оба паспорта «за сравнительно умеренную сумму», и что паспорта посланы вместе с официальным заявлением, копию которого, согласно указанию Н.И. Вавилова, он посылает вместе со своим письмом. В заключение Ф.Г. Добржанский выражал надежду, что через месяц–полтора получит паспорта, «если только Консульство сделает это не еще более медленно, чем они ответили на мой запрос (2 месяца)» (У истоков ..., 2002. С. 429).

Таким образом, как сказали бы прагматичные американцы, Ф.Г. Добржанский полностью выполнил свою часть сделки и поэтому ожидал, что Н.И. Вавилов и В.П. Волгин выполнят свою, о чем и писал без всяких обиняков: «Теперь, Николай Иванович, следует, мне кажется, уже возбудить вопрос о продлении командировки. Вам, конечно, виднее когда это лучше сделать. ... Можно ли рассчитывать, что это будет сделано до конца лета и я, таким образом, в августе смогу получить уже все нужные документы?» (У истоков ..., 2002. С. 429).

Из всех этих действий с очевидностью следует тот вывод, что Ф.Г. Добржанский на самом деле стремился как можно скорее вернуться на родину. В пользу такого заключения говорит и ряд других фактов. Мать Н.П. Добржанской в письме от 2 июля 1930 г. писала ей, что накануне, т. е. 1 июля 1930 г., получила от нее письмо, в котором та сообщала о возвращении в связи со смертью Ю.А. Филипченко (APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Unknown (Russian)). Уверенность в том, что Добржанские скоро вернуться, выражала и жена брата Н.П. Добржанской еще в письме от 18 февраля 1930 г.:

«Мы очень твердо надеемся, что скоро увидим Вас обоих поближе, чем на фотографии». Это означает, что в письмах ближайшим родственникам Н.П. Добржанская (Сиверцева) писала им о том, что она с мужем собирается домой. Сам Ф.Г. Добржанский в письме Н.Н. Медведеву от 4 декабря 1967 г. писал: «Хотелось мне написать Вам, потому что сегодня, так сказать, «юбилейная дата». 40 лет тому назад мы виделись в последний раз в туманное ленинградское утро на перроне вокзала! Тогда никому из нас и в голову не приходила мысль, что это может оказаться последний раз в жизни» (APSL. B: D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, N.). Кроме того, и это, наверное, наиболее важное, Ф.Г. Добржанский настойчиво интересовался у Н.И. Вавилова и у своих коллег по ЛАГ условиями работы на родине (см. напр.: У истоков ..., 2002. С. 429–430). Значит, всерьез готовился к этой работе.

Но противоположная сторона, по крайней мере в лице Н.И. Вавилова, упорно повторяла одно: сначала надо вернуться, а все остальное потом устроится. Наконец, в письме от 12 июня 1931 г. Н.И. Вавилов сообщал, что договорился с академиком В.П. Волгиным о том, что АН СССР в лице своего Непременного секретаря и его как директора Генетической лаборатории Академии наук приглашает Ф.Г. Добржанского занять должность ученого специалиста в составе Генетической лаборатории Академии наук. Завершал свое письмо Н.И. Вавилов одновременно и официально, и дружески: «Мы очень хотим, чтобы Вы возможно скорее приезжали и развернули бы свою работу, и со стороны Академии Наук будут приняты меры к тому, чтобы всячески содействовать Вам в Вашей работе» (У истоков ..., 2002. С. 435). О том же сообщал Ф.Г. Добржанскому и его друг Ю.Я. Керкис в письме от 16 июля 1931 г. (APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Kerkis).

Вопрос, казалось бы, был решен положительно и окончательно. Однако вместо того чтобы с радостью согласиться и, собрав чемоданы, тут же тронуться в путь, Ф.Г. Добржанский в письме Н.И. Вавилову от 10 августа 1931 г. вдруг отвергает это, вроде бы официальное, предложение (У истоков ..., 2002. С. 436). Но почему вдруг? Действительно ли, как написал Ф.Г. Добржанский, «опять не вышло», или всего лишь настал

момент, когда можно сообщить, что не вернется? Некоторые современные моралисты скажут, что, безусловно, все ясно как божий день. Само собой, тянул время, возвращаться и не собирався, и все письма и прочее – лишь для создания видимости, что собирается на родину, отвлекающий маневр. Но какой смысл? Мог бы сразу совсем отказаться или вовсе ничего не отвечать. Зачем тратить нервы, время, бумагу и деньги?

Проще всего было бы прояснить ситуацию, приведя запись из дневника Ф.Г. Добржанского, который он вел практически всю жизнь, в том числе большую часть своей жизни за рубежом. Но как раз тетради, в которых делались записи в конце 1920-х–начале 1930-х гг., пропали. Позднее в своем дневнике Ф.Г. Добржанский если и касался этой темы, то только в самом общем виде, когда писал, как, например, 25 января 1972 г., что ему повезло, что попал в Америку, а не в сталинские лагеря (APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. [Notebooks]). Не касается практически этой темы он и в своих воспоминаниях (The Reminiscences ..., 1962), которые легли в основу книги о нем (Land, 1973). Однако мотивы такого неожиданного поступка Ф.Г. Добржанского, по крайней мере некоторые из них, становятся понятны из последних двух писем к нему Н.И. Вавилова.

Приглашая Ф.Г. Добржанского на работу, одновременно в том же самом письме от 11 июня 1931 г. Н.И. Вавилов давал ему понять, что возвращаться не следует, что на родине уже царит атмосфера, в которой Ф.Г. Добржанский не сможет дышать. Но делал он это понятным Ф.Г. Добржанскому своеобразным эзоповым языком сталинской эпохи: «Дела разворачиваются невзирая ни на какие трудности, наука нужна, но наука, обращенная к практическим запросам; .... Замкнуться в науку нельзя. Идет аспирант, которого надо учить; нужно быть чутким к тому, что делается в стране. ... Диалектическая методология – это только плюс, который позволяет не быть оторванным от запросов жизни. .... Единственное, что нужно – учесть критическое отношение к каждой книжке, усиленную борьбу с витализмом, баталию с механистами. ... Придется позаниматься может быть первое время популярной литературой» (У истоков ..., 2002. С. 433–435).

В ответ Ф.Г. Добржанский посылает письмо, в котором, по его собственному выражению,

ставит точки над «і»: «**К грусти вижу, что и на этот раз дело не вышло. ... Хуже всего то, что судя по Вашему письму, от меня потребовалось бы то, чего я не могу делать. В самом деле, для того чтобы жить, мне потребовалось бы подрабатывать писанием. Это еще бы ничего, в конце концов, многие так живут. Но вот те требования о стиле и характере писания, о которых Вы говорите, делают для меня положение невозможным** (курсив мой – М.К.). С этим стилем я не знаком, а поскольку знаком – чувствую себя не в силах ни его принять, ни даже под него подделываться. А к тому же, ясное дело, и лабораторию надо вести в том же духе. Значит, с первых же шагов – неприятности, унижения и прочее. Простите, Николай Иванович, если этим доставляю Вам неприятность. ... При всем моем уважении к Вам лично, при всем моем искреннем желании работать в Академии Наук, а не здесь (знаю, что в искренности этого желания многие сомневаются, но это их дело – я говорю, что думаю), вижу, что из этого ничего не выйдет. Если же чемнибудь могу быть полезен здесь, то постараюсь быть. Как бы то ни было, никогда не забуду ни страны, ни того, чем ей обязан» (У истоков ..., 2002. С. 436).

Остается добавить, что когда Н.И. Вавилов встретился с Ф.Г. Добржанским на VI Международном генетическом конгрессе, проходившем в 1932 г. в США, в Итаке, и им удалось на несколько минут освободиться от двух «ассистентов», сопровождавших Н.И. Вавилова повсюду, он прямо сказал Ф.Г. Добржанскому, чтобы тот оставался в США (Land, 1973. P. 184).

НЕ ПО СЕНЬКЕ ШАПКА?

Переговоры о той работе и должности, которые бы ему могли предоставить после его возвращения, Ф.Г. Добржанский вел фактически через своих друзей и коллег в Ленинграде, Ю.Я. Керкиса, Н.Н. Медведева и Т.К. Лепина. В первом же письме к Лепину от 10 июня 1930 г. Ф.Г. Добржанский, поблагодарив его за предложение занять место Ю.А. Филипченко, т. е. стать заведующим ЛАГ, дал на это свое согласие. Но выразил свое мнение о том, что «на одну службу не проживешь у нас» (РО РНБ. Л. 33 об). Поэтому, имея место в Университете «и комбинируя его с АН, чувствовал бы себя прочно.

Если бы такая комбинация была бы возможна, я выехал бы в Ленинград так скоро, как только мог бы ликвидировать свои дела тут. Но, судя по всему, эта возможность не существует» (РО РНБ. Л. 34).

Почему Ф.Г. Добржанский так решил? По его мнению, другими претендентами на заведение кафедрой генетики в ЛГУ могли бы быть А.П. Владимирский и М.М. Навашин. Последний, с точки зрения Ф.Г. Добржанского, был бы более желателен. Относительно А.П. Владимирского Ф.Г. Добржанский писал: «от Медведева же знаю, что кандидатура Владимирского вопрос уже почти решенный. А при всем моем уважении к Владимирскому и лично, и как к ученому работать под его началом я не могу» (Там же. Л. 34).

В следующем письме Т.К. Лепину от 15 июня 1930 г. Ф.Г. Добржанский, имея в виду предполагаемую реорганизацию ЛАГ в Институт генетики АН СССР (ИГЕН), писал о том, что ИГЕН, как полагал Ю.А. Филипченко, обязательно должен возглавлять академик. Поэтому Ф.Г. Добржанский спрашивал: «Нельзя ли было бы, чтобы директором института генетики стал Н.И. Вавилов, а меня бы назначили зам – пом – или чем-либо в таком роде?» (Там же. Л. 36–36 об).

Коллеги Ф.Г. Добржанского в Ленинграде последовали его рекомендациям и Н.И. Вавилов стал директором ИГЕН. А вот его фактическим заместителем, т. е. первоначально ученым секретарем ЛАГ назначили вовсе не Ф.Г. Добржанского, как он просил, а Т.К. Лепина. В связи с этим Т.К. Лепин более чем пространно объяснялся по этому поводу в письме от 12 июня 1931 г. (APSL. В: D65 Th. Dobzhansky Papers. Lepin, Т.К.), но, судя по тому, что предлагал Ф.Г. Добржанскому в своих письмах Н.И. Вавилов, Ф.Г. Добржанскому было намечено предоставить всего лишь должность ученого специалиста (см. напр.: У истоков ..., 2002. С. 420).

Но становиться рядовым научным сотрудником без ясных перспектив, прежде всего исследовательских, а также материальных, Ф.Г. Добржанский не считал возможным, хотя и предпочел бы отчизну: «Мне, как я уже писал, до зарезу хочется вернуться на родину, надоело тут страшно...» (РО РНБ. Л. 38об). Ему же, как и его ученику Ю.Я. Керкису, пришлось бы, имея 150 рублей зарплаты, «сводить концы с

концами». Начинать опять все с нуля, как ему предлагалось, он не хотел.

ОБВИНЕНИЕ И ОПРАВДАНИЕ

Моралисты, вероятно, радостно воскликнут: «Вот видите! Он же еще и торгуется. Ставит *Родине* условия!». Действительно, можно сказать, что если уж *до зарезу* хочется вернуться на родину, то возвращаются, а не пишут, что и в чужой стране, где «надоело страшно», все же пристроен. Значит, наверное, все же *не до зарезу*. Но не странна ли, тем не менее, сама постановка вопроса и логика, за такой постановкой вопроса скрывающаяся: человек в любом случае обязан вернуться в страну (как холоп в поместье, как раб на фазенду, как заключенный в тюрьму или лагерь), а *Родина* посмотрит, куда и кем назначить, дать работу или не дать, облагодетельствовать или наказать. Но тогда естественен и правомерен другой вопрос: А в чем преступление-то? И по отношению к кому оно совершено? Кто конкретно эта «*Родина*»? Тут-то и выясняется, что Родиной уже был не Ю.А. Филипченко, не милейший и самоотверженнейший Н.И. Вавилов, не старые большевики, не та самая «ленинская гвардия», которая была авангардом свершившего революцию 1917 г. народа, а совсем, совсем другие люди. Те, кто уже готовил так называемый Большой Террор и потом его осуществил, арестовав и сгноив в тюрьме или расстреляв многих и многих милейших, самоотверженнейших, действительно преданных новой, социалистической, лучшей, как они верили, в мире Родине – стране трудящихся. Есть ли хоть какие-либо основания сомневаться в том, что, вернись Ф.Г. Добржанский на эту Родину, его ждала бы та же судьба, что и Н.И. Вавилова – арест, ночные допросы и смерть?

Один из современных критиков решения Ф.Г. Добржанского остаться в США сначала охотно констатирует: «Вообще-то говоря, в этой истории нет абсолютно ничего примечательного – откушав сытного американского пирога, товарищ предпочел его отечественному черному хлебу... (А «демократию» – «тоталитаризму» и далее по списку...)» (Тарсков, <http://lysenkoism.narod.ru/dob.htm>). Затем разъясняет свою констатацию: «Реальность состоит в том, что Добржанский стал просто еще одним эмигрантом, «невозвраща-

щенцем», оставшимся для того, чтобы более комфортно и успешно устроить свою жизнь за границей» (Там же). Но этого ему кажется недостаточно и он добавляет: «Его очаровала Америка – ее климат, ее экономика, ее возможности; он получил сразу все, о чем мог только мечтать: интересную работу, стабильность, уважение, комфорт... И он сделал свой выбор. Между теплой, сытой и стабильной Америкой и холодной, голодной и нестабильной Россией он выбрал первое. Надо ли его за это осуждать? Это личное дело каждого. Вот только делать из Добржанского несчастного патриота и жертву лысенковщины уж точно не надо...» (Там же).

Мораль сей современной басни, выложенной в Интернете на сайте, специально посвященном оправданию Т.Д. Лысенко и лысенкоизма, а заодно, само собой, и его покровителей, в первую очередь, конечно же, И.В. Сталина и сталинизма в целом, однако, несколько иная, чем та, что выражена в последней фразе. И дается она не в самом тексте, а в постскрипуме: «А кем вообще были инициированы эти изменения в атмосфере научного творчества? Лысенко-то тогда еще рядом не было! 1930–1931 год... Кто там у нас задает тон?...» (Там же). Ответа на эти вопросы их автор не дает, и совсем не случайно. Явно знакомый с перепиской Ф.Г. Добржанского с Ю.А. Филипченко, он умалчивает о ряде важных фактов, в частности о том, что Ю.А. Филипченко *вынужден* был уйти из университета, о чем и писал Ф.Г. Добржанскому (У истоков ..., 2002. С. 407) как и об общем изменении атмосферы в университете и в науке в целом (У истоков ..., 2002. С. 401, 404) в этот действительно переломный для страны период. Тогда Ф.Г. Добржанский и заявил, что при таких обстоятельствах не может вернуться к установленному ему сроку (У истоков ..., 2002. С. 260–261).

Да, Ф.Г. Добржанский не был прямой жертвой лысенкоизма, хотя из-за критики лысенкоизма (Коначев, 1994б) ему не разрешили побывать на родине в 1960-е гг. Но его невозвращение – одно из последствий установления сталинизма как специфически трансформировавшегося многовекового российского авторитаризма.

Сам ярлык «невозвращенец» и то, как он использовался, – прямое порождение становления сталинизма. В числе тех, кто не вернулся в сталинизирующийся СССР, были члены семьи

и ближайшего окружения наркома внешней торговли Л.Б. Красина, руководители первых дипломатических миссий Н.З. Бравин и И.Л. Дзевялковский, деятели Коминтерна А.И. Балабанова, Я.С. Рейх, А.Ю. Руднянский, председатель Госбанка А.Л. Шейнман, экономист Н.А. Орлов, инженер Ю.В. Ломоносов, поэт А.Б. Ярославский, лингвист Р.О. Якобсон и многие другие (см. Генис, 2000, 2009). Первый диагноз сталинизму поставили, таким образом, не Т.В. Сапронов, не М.Н. Рютин и не Л.Д. Троцкий, а первые «невозвращенцы», являвшиеся до того «верными слугами режима». И их невозвращение было не только и не столько «бегством», сколько вызовом сталинской системе. Потому-то они и представляли для нее опасность, потому-то и были объявлены в 1929 г. «вне закона».

Ф.Г. Добржанский мог выбрать возвращение в такой СССР, но не выбрал, это правда. Осуждать ли его за это? И кто на самом деле имеет или имел бы моральное право это сделать? Те коллеги, которые в отличие от него вернулись? В.В. Алпатов, Г.Д. Карпеченко, Н.И. Вавилов? Те его коллеги и друзья, с кем он переписывался, пока переписка не оборвалась? Ю.А. Филипченко, Ю.Я. Керкис, Н.Н. Медведев, Т.К. Лепин, М.Н. Римский-Корсаков? Почему-то никто из них, ни один человек его не осудил. К тому же на классический вопрос «А судьи кто?» ответ тоже уже дан (Захаров-Гезехус, 2011).

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 10-06-00124-а.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин М. Академик Лысенко и бедная овечка Долли // Литературная газета. 2009а. № 11 (13 марта).
 Анохин М. Про бедную овечку забыли // Литературная газета. 2009б. № 23 (3 июня).
 Генис В.Л. Невозвращенцы 1920-х–начала 1930-х годов // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 46–63.
 Генис В.Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933): Опыт документального исследования в 2 кн. Кн. 1: «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920–1929). М., 2009. 704 с.
 Захаров-Гезехус И.А. Эксгумация лысенковщины (о публикациях П.Ф. Кононкова, Н.В. Овчинникова, В.И. Пыженкова) // Историко-биологические исследования. 2011. № 2. С. 124–129.
 Коначев М.Б. Феодосий Григорьевич Добржанский и становление генетики в Ленинградском университете //

- Исследования по генетике. 1994а. Вып. 11. С. 29–36.
- Конашев М.Б. На попрание клеветы против советских биологов (критика Ф.Г. Добржанским лысенкоизма) // Эволюционная биология (Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 90, вып. 1). СПб., 1994б. С. 60–74.
- Конашев М.Б. Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 240–263.
- Конашев М.Б. Ровесник генетики, ровесник века: Ф.Г. Добржанский (1900–1975 гг.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 193–228.
- Конашев М.Б. Ф.Г. Добржанский – эволюционный генетик и мыслитель. СПб.: Изд-во СПбСУ, 2010а. 50 с.
- Конашев М.Б. Добржанский и религия // Человек. 2010б. № 1. С. 30–48.
- Кононков П.Ф. Вклад Т.Д. Лысенко в победу в Великой Отечественной войне. М.: Самообразование, 2010. 16 с.
- Овчинников Н.В. Академик Трофим Денисович Лысенко / Под ред. П. Кононкова. М.: Луч, 2010. 232 с.
- РО РНБ. Ф. 813. Оп. 1. Д. 1286.
- Тарсков А. Почему Добржанский остался в Америке // <http://lysenkoism.narod.ru/dob.htm>
- Трофим Денисович Лысенко – советский агроном, биолог, селекционер: Сб. статей. М.: Самообразование, 2008. 192 с.
- У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2002. 558 с.
- APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. [Notebooks*].
- APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Kerkis.
- APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Lepin, T. K.
- APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, N.
- APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Unknown (Russian).
- Land B. *Evolution of a Scientist: The Two Worlds of Th. Dobzhansky*. N.Y., 1973. 203 p.
- The Reminiscences of Theodosius Dobzhansky. Part I. Columbia University, Oral History Research Office. N.Y., 1962. 639 p.

ST. THEODOSIUS PASSION. HOW AND WHY TH.G. DOBZHANSKY BECAME A NON-RETURNER

M.B. Konashev

St. Petersburg Branch, Institute of the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: mbkonashev@mail.ru

Summary

Within one year since May 1930 till August 1931 Th. Dobzhansky undertook an intership in the USA on a scholarship from the International Education Board (The Rockefeller Foundation). His preparation for returning to the USSR included all necessary actions for getting a new job and prolongation of his and his wife's passports. After receiving three letters from N.I. Vavilov, of June, 9, 11 and 12, 1931, Th. Dobzhansky decided to stay in the USA and became an asylee (the Russian term "nevozvrashchenets" literally means non-returner). In 1932, at the 6th International Genetic Congress in Ithaca, USA, N.I. Vavilov said that Dobzhansky's decision was sound.

Key words: Th. Dobzhansky, genetics, non-returner (nevozvrashchenets), Stalinism.